

Владимир Кожедеев

**Хроника сломанных
часов**

Владимир Кожедеев

Хроника сломанных часов

«Автор»

2025

Кожедеев В.

Хроника сломанных часов / В. Кожедеев — «Автор», 2025

Представьте мир, где магия питается воспоминаниями. Где старинное кольцо можно превратить в огненный шар, но оно навсегда забудет тепло руки любимой. В таком мире встречаются трое: • Девушка, чувствующая боль времени. • Принц, готовый сжечь прошлое ради будущего. • Охотник, который сам почти стал тенью. Их запретное чувство угрожает хрупкому равновесию. Их магия, сплетенная воедино, может либо починить источник времени, либо уничтожить его окончательно. «Хроника сломанных часов» — это «Пожиратель грехов» встречается с «Игрой престолов» под соусом уникальной магической системы. Это история не о спасении мира, а о том, какую часть души за него стоит заплатить. Если вам близки сложные персонажи, морально серые выборы и магия, которая оставляет шрамы не только на теле, но и на памяти — этот мир для вас.

© Кожедеев В., 2025

© Автор, 2025

Содержание

Часть 1	5
Часть 2.	19
Конец ознакомительного фрагмента.	21

Хроника сломанных часов

Часть 1

Глава 1

Алия никогда не чувствовала времени так, как другие. Для неё оно не было ровным потоком. Оно было разбитым зеркалом, в осколках которого застыли боли, радости и обещания её давно умершей прапрабабушки, принцессы Сильвины. Алия жила с этими эхами прошлого, пока не нашла их источник – Сломанные Часы. Их маятник замер столетия назад, когда разбилось сердце Сильвины. Легенда гласила, что они снова пойдут, только когда найдётся душа, способная исцелить древнюю боль. Алия, с её наследственной тоской, боялась, что эта душа – её собственная.

Но судьба привела к Часам не только её.

Кай прибыл в старый замок как хранитель, последний в длинной линии стражей, призванных оберегать мир от опасных артефактов. Рассудочный и скептический, он видел в Часах лишь угрозу – неразумную силу, которую нужно обезвредить. Пока не увидел, как они отзываются на прикосновение Алии, а его собственное холодное сердце, против всех правил и логики, сделало первый болезненный удар. Он был потомком Леона, того самого хранителя, который когда-то разбил сердце принцессе. И теперь история, казалось, готовилась к жестокому ремейку.

А между ними всегда был Рин. Лучший друг. Провидиц, чей дар видеть будущее был скорее проклятием, скрытым за маской иронии и лёгкости. Рин видела этот треугольник ещё до того, как он сложился: видела, как взгляд Кая будет искать Алию, как Алия будет колебаться, а её собственная, давно тайная любовь, так и останется безответным шёпотом в тени. Он знала, что магия Часов питается сильнейшими эмоциями, и боялась, что трое неосторожных сердец, сплетённых в один узел, могут не починить время, а разорвать его окончательно.

И вот, в ночь кровавой луны, под давлением невысказанных признаний, старых долгов и новых надежд, стрелки Сломанных Часов дрогнули. Их тиканье, гулкое и неестественное, разнеслось по башне, указывая не на час, а на каждого из троих по очереди. Механизм, спавший веками, пробуждался. Но он требовал платы – не маны, а чувств. Ему нужна была правда, которую боялись признать все: правда о любви, предательстве и о той жертве, без которой часы не смогут отсчитывать новое время.

Их хроники только начались.

Трещина во времени.

Заброшенная западная башня замка. Поздний вечер. Лучи угасающего солнца пробиваются сквозь пыльные витражи, освещая миллионы кружащихся пылинок и одинокий предмет в центре круглой комнаты – большие напольные часы в резном деревянном корпусе. Их циферблат, покрытый патиной времени, молчит. Сюда входит Алия одетая в простое платье. Она подходит к часам, затаив дыхание, и кладёт ладонь на холодное дерево.

Она шепотом: Я снова здесь. Покажи мне... покажи мне её.

Закрывает глаза. На её лице – смесь тоски и сосредоточенности. Дверь скрипит. Алия вздрагивает и оборачивается. В проёме стоит Кай в практичной дорожной одежде хранителя, с сумкой инструментов через плечо. Его взгляд холоден и оценивающий.

Он ей утвердительно: Я был прав. Вас тянет к источнику помех, как мотылька на пламя.

Она, отнимая руку, с вызовом: Это не «источник помех». Это семейная реликвия. Вы здесь непрошены, хранитель.

Кай делает шаг вперёд, его голос твёрд: Мой долг превыше ваших сантиментов, леди Алия. Мои приборы регистрируют хроно-аномалии на всей территории замка. Эпицентр – здесь. Эти часы – не реликвия. Они – неисправный и опасный артефакт.

Он достает из сумки странный бронзовый циркуль, стрелка которого бешено вращается, указывая на часы. Алия смотрит на прибор, потом на неподвижный маятник.

Алия: Они сломаны. Просто старые и сломаны. Вы ищите проблемы там, где их нет.

В этот момент из тени у двери появляется Рин. Он прислонилась к косяку, наблюдая. На его лице – привычная лёгкая улыбка, но глаза серьёзны.

Рин обращаясь к Каю: О, не обесценивай его работу, Аля. Он, кажется, очень старается. Ваша штукавина вертится, потому что здесь пахнет грустью. А она, знаете ли, очень... плотная.

Кай хмурится, раздражённо убирая циркуль: «Пахнет грустью»? Это ненаучно. Артефакты такого возраста могут содержать нестабильные эманации прошлых событий – эхо сильных эмоциональных всплесков.

Алия вдруг оживляясь: Значит, вы признаёте, что они что-то хранят? Не просто сломаны?

Кай: Я признаю, что они – угроза. И их нужно изучить, обезвредить и, если потребуется, изолировать. Пожалуйста, отойдите.

Он делает шаг к часам. Алия инстинктивно встаёт между ним и корпусом.

Алия: Нет. Вы их не тронете.

Кай: Вы не понимаете рисков.

Рин вдруг, его голос теряет игривость: Понимаю я. Риск в том, что если он тронет часы холодным железом, пока он касается их теплом своей памяти... что-то лопнет. Не в часах. В нас.

Алия и Кай оборачиваются к нему. Рин больше не улыбается. Он смотрит куда-то сквозь них, его пальцы слегка подрагивают.

Кай: Что вы хотите сказать?

Рин: Я говорю, что вы оба правы. Они и реликвия, и угроза. Потому что они не прошлое. Они – рана, которая всё ещё открыта. И сейчас...

Он моргает, возвращаясь в настоящее, и его взгляд становится пронзительным: Сейчас вы оба подпитываете его. Его долг. Ваша тоска. Моё... предчувствие. Три ключа. Одни врата.

Неловкое молчание повисает в воздухе. Алия смотрит на Рина с тревогой и узнаванием. Кай, сжав губы, поворачивается обратно к часам – но теперь его движение осторожнее. Он медленно протягивает руку, чтобы прикоснуться к механизму рядом с рукой Алии, не касаясь её.

Кай тихо, почти себе: Просто диагностика. Я должен...

В этот миг их пальцы почти одновременно касаются дерева корпуса.

Происходит толчок – не звуковой, а чувственный. Волна сдавленной печали, гнева и безграничной нежности обрушивается на них. Пыль с циферблата срывается и завихряется в луче света.

И стрелки – с сухим, ржавым скрежетом – срываются с места.

Они не движутся вперёд. Большая стрелка дёргается и начинает медленно, с мучительным усилием, ползти назад. Маленькая подрагивает, указывая то на цифру «I», то на «XII».

Алия в ужасе и восторге: Они идут... Но куда? Они показывают разное время!

Кай отшатывается, будто обжётся: Невозможно... Это противоречит всем законам...

Рин прижимает ладони к вискам, его голос срывается: Не законам! Противоречит судьбе! Они не показывают время дня... они показывают нас!

Он указывает на циферблат. Стрелки действительно замерли в неравной борьбе: часовая – на Алию (I), минутная – между Каем (XII) и Рином (...будто ищет, куда указать).

Раздаётся тихий, но отчётливый ЩЕЛЧОК внутри механизма. И из узкой щели под циферблатом выскальзывает и падает к ногам Алии маленький, пожелтевший медальон – его не было там секунду назад.

В комнате воцаряется гробовая тишина. Тканья нет, только тяжёлое дыхание троих людей. Часы снова неподвижны, но всё в комнате изменилось.

Кай смотрит на свои руки, потом на Алию: Что... что мы сделали?

Алия поднимает медальон дрожащими пальцами и открывает его: Не мы... Они. Это... это прапрабабушка Сильвина. И... это не Леон.

Она поднимает на Кая шокированный взгляд: На портрете с ней... не ваш предок.

Она поворачивает медальон. Внутри – миниатюрный портрет молодой Сильвины и другой женщины с решительным взглядом и знакомой улыбкой. Улыбкой, как у Рина.

Рин бледнеет как полотно. Кай замирает, его теория реальности даёт трещину. Алия смотрит то на портрет, то на друга.

Алия едва слышно: Легенда... лгала. Или недоговаривала. И теперь... теперь мы часть этой лжи.

Страх и зарождающейся тайны, которая теперь связывает их невидимой, но прочнейшей нитью.

Глава 2.

Мир не называется. Его география определяется плотностью и качеством времени.

Шепот Циферблата (Сердце-Шрам):

Построен вокруг Великого Сломанного Хронометра. Город имеет концентрическую структуру, соответствующую «тикам» и «такам» часового механизма.

Район Тика (Внутренний круг): Ближайшие к Часам кварталы. Здесь время течёт быстрее. Растения растут и вянут за день, люди стареют чуть скорее, но и исцеляются быстро. Недвижимость безумно дорога – это место для самых богатых Алхимиков, жаждущих успеть всё, и для отчаянных Прядильщиков, изучающих аномалии.

Район Така (Средний круг): Время течёт медленнее. Здесь царит стабильность, консерватизм. Живут ремесленники, торговцы, основное население. Идеальное место для архивов и библиотек.

Окраины (Сломанная Пружина): Время рваное, непредсказуемое. Могут быть «карманы», где день длится неделю, или «провалы», вырывающие из жизни час. Здесь живут бедняки, отчаявшиеся, и те, кто скрывается. Цены низкие, риски – смертельные.

Пустота (Шрам Мира):

Не место, а состояние. Область на севере, возникшая после Катастрофы. Здесь нет времени – только вечное «сейчас». Нет воспоминаний, нет эрозии, нет роста. Камень, унесённый отсюда, останется идеально гладким через тысячелетия. Живое существо, попавшее туда, либо сойдёт с ума, либо станет Безвременным.

Леса и моря:

Шепчущий Лес: Деревья здесь растут циклически, от юности к старости за сутки. Прядильщики приходят на рассвете, чтобы собрать «время роста» с молодых побегов, не вредя лесу. Алхимики приходят ночью, чтобы одним махом распустить вековые исполины.

Море Струящихся Воспоминаний: Вода здесь хранит отпечатки всех, кто плавал или тонул. Маги-гидроманты могут «прочсть» по волнам прошлое корабля. Самая ценная добыча – Слёзы Нереид, раковины, хранящие чистую, ничем не замутнённую эмоцию (восторг, тоску).

Магия: цена и практика

Хронопрядение – не просто заклинание. Это ритуал отношения.

Катализатор (Источник): Предмет с историей. Чем эмоционально насыщеннее история, тем мощнее эффект.

Слабый источник: Старая, но рядовая монета.

Сильный источник: Монета, которую мать дала сыну, уходящему на войну, и которую он 30 лет носил у сердца.

Процесс (Распутывание): Маг концентрируется, «слышит» историю предмета и начинает мысленно тянуть за нить времени. Предмет при этом температурно меняется – нагревается от «молодых» воспоминаний, холодеет от древних.

Эффект (Плетение): Высвобожденное время сплетается в узор желаемого эффекта.

Исцеление: Используется время здоровья, запечатанное в целебном травнике или в детской игрушке, с которой никогда не случилось бед.

Защита: Время несокрушимости камня или твёрдости дуба.

Атака: Время разрушения (кость, разбитая молотом), времени удушья (подушенный цветок), времени падения (камень, сорвавшийся со скалы).

Последствия (Истощение):

Предмет не исчезает всегда. Он становится пустым. Меч, хранивший славу, превращается в безликую железку. Портрет любимого становится просто куском холста с краской. Эмоциональная ценность стирается. Это причина, почему Прядильщики так осторожны: они не просто используют ресурс, они совершают эмоциональное вандализм.

Существа и расы

Потомки Аэдров («Осколки Песни»):

Сильфиды (дети Лиры): Почти бесплотные. Живут в местах с чистой, незамутнённой временной нитью (у истоков рек, на горных пиках). Могут на мгновение «спеть» забытый фрагмент Песни, что вызывает кратковременное исцеление или невероятную удачу. Ненавидят Алхимиков лютой ненавистью.

Гномы Крона (дети Крона): Инженеры и часовщики. Живут в подземных городах-механизмах. Не распутывают время, а пытаются чинить его поток, создавая локальные стабилизаторы и хроно-регуляторы. Их цель – починить Великие Часы. Нейтральны.

Игнисары (дети Игниса): Редкие и почти вымершие. Несут в себе искру первого Распутывания. Их присутствие ускоряет время вокруг. Цветы расцветают, свечи сгорают за секунды. Большинство из них сошли с ума или стали первыми Безвременными.

Безвременные (Проклятые тишиной):

Не однородная масса. Есть Тихие – пассивные, бродящие тени, просто существующие. Есть Голодные – агрессивные, нападающие на живых, чтобы украсть мгновение чувства. И есть редкие Прозревшие – те, кто обрёл новую идентичность в пустоте и обладает странными способностями (ходить сквозь время, как сквозь стены, или видеть все возможные прошлые предмета).

Химеры Времени:

Существа, возникшие от слияния нескольких временных нитей в дикой природе.

Фазовые Волки: Охотятся стаями, синхронизируясь в едином «тике». Для наблюдателя они выглядят как мелькание теней, атакуют из всех моментов сразу.

Окаменевшие Мгновения: Животные или люди, застигнутые временной аномалией. Не статуи, а повторения одного мгновения. Птица, вечно падающая с ветки, но так и не достигающая земли. Солдат, бесконечно заносающий меч. Тронуть их – значит рискнуть быть втянутым в их петлю.

Общество, профессии, артефакты

Профессии:

Архивариус Пыли: Учёный, каталогизирующий истощённые артефакты. Восстанавливает их историческую ценность через документы, пытаясь сохранить память, даже если предмет её лишился.

Ловец Эха: Смельчак, который охотится за «эхом» великих событий – остаточным временным зарядом на месте битвы, свадьбы, катастрофы. Продаёт эти концентрированные «эмоции» магам.

Настройщик: Специалист, который может «настроить» личное время человека, слегка замедлив его для долгой работы или ускорив для реакции в бою. Работа опасная, может привести к преждевременному старению или временной болезни.

Хроно-кузнец: Кузнец, работающий не с огнём, а со временем. «Закаляет» клинок не в воде, а в мгновении первого удара великого воина, или в моменте несокрушимой обороны крепостной стены.

Артефакты:

Слеза Нереиды: Раковина, хранящая чистую эмоцию. При распутывании даёт не магический эффект, а переживание. Можно на миг почувствовать абсолютный восторг или глубочайшую печаль. Используется для вдохновения, лечения душевных ран или пыток.

Зеркало Минувших Утр: Показывает не отражение, а то, каким человек был в определённый день прошлого. Часто ломается, показывая случайные, иногда травмирующие моменты.

Карманные Часы «Последний Вздох»: Заводятся не ключом, а кратким воспоминанием о потерянном. Пока идут – память остаётся яркой. Остановились – воспоминание тускнеет. Многие носят их, но боятся заводить слишком часто.

Книга Семейных Снов: Дневник, в котором чернилами служит время детских снов членов семьи. Читая, можно увидеть их надежды и страхи. Бесценная реликвия и страшный компромат.

Социальные нормы:

Табу на дарение старых вещей. Подарить серьги бабушки – значит рискнуть, что получатель, не зная их истории, может случайно распутать их у плохого мага. Дарят только новые вещи или вещи с полностью задокументированной и «нейтральной» историей.

Свадебный обмен. Жених и невеста дарят друг другу специально созданные, «пустые» кольца или медальоны. Затем они вдвоем наполняют их временем, сплетая свои лучшие совместные воспоминания. Распутать такое кольцо – величайшее предательство и преступление.

Похороны. Тело предают земле, но личные вещи (особенно дневники, письма) либо сжигают (освобождая время в «чистом» виде), либо передают в архив Прядильщиков. Хранить их дома рискованно – они становятся мишенью для воров и маглов.

Это мир тотальной ностальгии и трепета перед прошлым, где каждый поступок оставляет шрам на лице времени. Где любовь – это не просто чувство, а архив совместных мгновений, который можно физически украсть. Где герой – не тот, кто сильнее дерёт нити, а тот, кто находит в себе силы не рвать их, даже когда это кажется единственным выходом.

Глава 3.

История Алии – это история о тайне, как о втором имени, о любви, скрытой в тени долга, и о том, как стать своей собственной матерью и отцом, когда твои настоящие родители принадлежат разным мирам.

Зачатие в тени Часов

Железный Патриарх, тогда ещё просто Аргон – главный стратег Прядильщиков в последней фазе Хроно-войны, – был человеком, добровольно надевшим маску безжалостности. Он видел, к чему ведёт сентиментальность. Но накануне решающей битвы с легионами Алхимиков, в лагере, где царил тишина обречённых, он встретил Лираэль.

Лираэль была не воином, а Целительницей Воспоминаний – редкой даже среди Прядильщиков. Она не просто распутывала время для исцеления ран. Она умела переплести разорван-

ные нити памяти в сознании солдат, страдающих от ужасов войны, даря им покой. Её магия была тихой, интимной и требовала бездны сострадания.

Аргон, чей разум был завален тактическими картами и цифрами потерь, пришёл к ней с жестокой мигренью – побочным эффектом чтения слишком многих историй сражений, запечатанных в картах. Лираэль не стала использовать травы или артефакты. Она просто рассказала ему историю. О первом дожде после засухи. О звуке, с которым раскрывается бутон. О беззвучном смехе ребёнка, впервые увидевшего бабочку. Она плела эти нити чистого, мирного времени вокруг него, пока его собственная ярость и страх не утонули в этом покое.

Это была не любовь с первого взгляда. Это было признание. Он увидел в ней ту гармонию, за которую, как он думал, уже не способен сражаться. Она – ту несокрушимую силу воли под его железной маской, которая ещё может чувствовать.

Их связь длилась одну ночь. На рассвете он ушёл на битву, а она осталась в лагере. Он вернулся победителем, но узнал, что лагерь целителей был атакован диверсантами Алхимиков. Лираэль не было среди погибших. Она исчезла. Аргон, ставший через месяц Патриархом, искал её. Безуспешно.

Детство в двух мирах.

Алия родилась в тайном убежище Прядильщиков на окраине Шёпота Циферблата. Лираэль, понимая, что ребёнок от Патриарха станет разменной монетой в политике, выбрала скрытность. Первые пять лет жизни Алиии были тёплыми, тихими и наполненными магией не как силой, а как языком.

Мать (Лираэль) учила её не «распутывать», а «слушать». Они садились у ручья, и Лираэль просила дочь описать «голос» старого камня или сломанной ветки. Алия научилась различать оттенки времени: золотистое – радость, сизое – усталость, колючее серебро – боль, тёплый янтарь – любовь. Мать называла её «мой маленький Эхо-ловец».

Игрушками Алиии были не куклы, а коробочки с чувствами: Лираэль ловила в крошечные флаконы «время первого снега», «вздых удивления» или «миг предвкушения». Алия училась распознавать их с закрытыми глазами.

Всё изменилось, когда Алиии исполнилось шесть. Лираэль тяжело заболела – не физически, а душевно. Её дар глубокой эмпатии к времени стал её проклятием. Она начала тонуть в чужих забытых травмах, которые впитывала годами. Она бредила обрывками воспоминаний незнакомых людей. Стало ясно: ей нужна помощь, которую могут дать только в Цитадели Патриарха.

Лираэль, стиснув зубы, явилась к Аргону. Его реакция была железной. Он тут же взял их под свою защиту, но на своих условиях:

Об их родстве никто не должен знать. Алия будет представлена как сирота, дочь погибших героев-Прядильщиков, взятая под опеку Патриархом из милосердия.

Лираэль будет жить в уединённых покоях как почётная пленница, получая лучшую помощь, но не имея права видеться с дочерью свободно (чтобы не выдать тайны).

Алия будет воспитываться как инструмент для будущего – она получит блестящее образование, тренировки и доступ к архивам, но её личная жизнь будет под контролем.

Так началась вторая жизнь Алиии – жизнь между молотом и наковальней.

Отец (Аргон) стал для неё Судьёй и Тренером. Их «уроки» проходили в его кабинете, заваленном деталями механизмов. Он учил её не чувствовать время, а анализировать его. «Эмоция – слабость, – говорил он. – Паттерн – сила. Найди в истории предмета точку максимального напряжения – это и будет ключ к его силе». Он был холоден, точен, и редкие проблески чего-то иного (взгляд на портрет Лираэль, который, как он думал, Алия не видела) лишь сильнее ранили. Он дарил ей не игрушки, а головоломки и старые, обезличенные артефакты для тренировок.

Мать она видела редко, украдкой, под видом «посещения больной наставницы». Эти встречи были наполнены горькой сладостью. Лираэль, даже в полубреду, учила её главному: «Не позволяй времени сделать тебя жестокой. Ты не инструмент. Ты – хранительница. Даже если тебя заставят забыть об этом». Она тайком передала Алии тот самый чёрный камень – «камень пустоты», сказав: «Он напомнит тебе, что есть вещи важнее памяти. Есть выбор».

Друзья и предатели.

В строгом, иерархичном мире Цитадели у Алии почти не было шансов на нормальную дружбу. Но были исключения.

Илан – Друг-Щит.

Сын капитана стражи, простодушный и верный. Он не был магом. Его отец погиб, спасая Патриарха, и Аргон взял мальчика под опеку. Илан не видел в Алии «сироту» или «ученицу». Он видел девочку, которой было одиноко. Он учил её драться на деревянных мечях (втайне от отца), приносил ей сладости с рынка, брал вино за её мелкие проступки. Он был её якорем в мире нормальности, живым доказательством, что не всё измеряется пользой и паттернами. Он любил её – просто, безнадёжно и молча. Алиа ценила его, но не могла ответить тем же. Он был для неё братом, островком покоя, но не страсти. Его трагедия в том, что он это понимал и всё равно оставался рядом.

Кэлен – Друг-Клинок.

Юный, блестящий и честолюбивый Алхимик из небогатого, но амбициозного рода. Он попал в Цитадель как часть программы «обмена учениками» для укрепления мира. Он увидел в Алии не питомца Патриарха, а ровню – такого же голодного до знаний, такого же острого умом. Они спорили до хрипоты о природе времени, вместе рисковали, исследуя временные аномалии на Окраинах, делились мечтами. Он был первым, кто рассмешил её по-настоящему после переезда в Цитадель. В нём она видела отражение своей собственной скрытой огненности, бунта против предначертанной судьбы. Она доверила ему свою самую большую тайну – о чёрном камне и уроках матери. А он доверил ей свою – о планах своего дома сместить Патриарха. Их дружба была токсичным коктейлем из искренней привязанности и политического расчёта. В конечном счёте, когда клан Кэлена пошёл на открытый мятеж, он сделал выбор. Он не предал её напрямую, но использовал её доверие, чтобы получить доступ к чертежам обороны. Этот поступок стал для Алии раной более глубокой, чем любое наказание отца. Он научил её, что даже самая яркая связь может быть фальшивкой, распутанной в угоду сиюминутной выгоде.

Становление Хранительницы.

К 18 годам Алиа стала идеальным творением замысла Аргона: дисциплинированной, знающей, сдержанной. Но внутри бушевала тайная война:

Голос Матери (Эмпатия): «Каждая вещь хочет, чтобы её поняли. Ты должна чувствовать».

Голос Отца (Прагматизм): «Чувства ведут к ошибкам. Ты должна контролировать».

Голос Предательства (Кэлена): «Доверие – это уязвимость. Никогда не показывай всего».

Её личный прорыв и проклятие случился во время экзамена. Ей дали для анализа артефакт – солдатский жетон, обычный, сотнями распутываемый для мелких защитных чар. Но когда Алиа прикоснулась к нему, она не просто почувствовала историю. Она пережила её. Она на миг стала тем умирающим солдатом, который сжимал жетон, думая о жене и сыне. Она почувствовала его боль, его любовь, его страх. Она упала в обморок, заливаясь чужими слезами.

Патриарх был в ярости: такая гипер-эмпатия делала её неустойчивым оружием. Но старшие Прядильщики, узнав, были в трепете. Это был дар Лираэль, возведённый в абсолют. Алиа могла не просто читать время – она могла извлекать из него чистую, неподдельную эмоцию,

самую суть воспоминания, не распутывая артефакт полностью. Она стала уникальным инструментом для проверки подлинности реликвий, для ведения дипломатических переговоров (она чувствовала ложь на уровне временного потока) и для исцеления самых глубоких душевных ран.

Алия вошла в основную историю не девушкой, ищущей любви, а израненным идеалистом в доспехах цинизма. Она:

Тайно дочь двух легенд и величайшая государственная тайна.

Разрушена предательством друга и холодностью отца.

Одарена способностью, которая является одновременно благословением и проклятием.

Отчаянно хочет верить, что можно сохранить память, не став её рабом, и любить, не совершая предательства.

Она идёт на Чёрный аукцион не за артефактом, а за глотком чего-то настоящего в мире, где всё можно подделать, даже прошлое. И встречает Кая и Рима – два зеркала, в которых отражаются две стороны её собственной души: воля к будущему и жертвенность прошлому. Их треугольник – не просто любовная история. Это последняя и самая страшная проверка всех уроков её жизни, где ставкой является не только её сердце, но и сама душа мира.

Глава 4.

Кай: Друзья как ступени к трону (и в бездну).

Кай рос в золотой клетке наследника Алхимиков. Его «друзья» были тщательно отобранные кланом: будущие союзники, разменные монеты, зеркала для его амбиций.

Тиберий – «Тень и Меч».

Кто: Ровесник Кая, сын главного Оружейника Гильдии. Не маг, но гений инженерии и тактики. Его семья обеспечивала Алхимиков механическими устройствами для концентрации и хранения распутанного времени.

Как появился: Их подружили отцы, когда им было по семь лет. Тиберий был тем, кто не боялся Кая. Он видел в принце не титул, а партнёра для авантюры. Именно Тиберий прокрался с ним в запретные мастерские и показал, как взорвать старый, истощённый артефакт, чтобы получить не энергию, а просто «красивый фейерверк». Это был первый акт бесцельного разрушения, и Каю это понравилось.

Роль: Тиберий был проводником в мир без правил. Он подбрасывал Каю радикальные идеи, строил дерзкие планы, был его советником в вопросах, о которых нельзя было спросить у старших. Он первым сказал: «Зачем распускать старое дерево? Построй машину, которая заставит его расти в сто раз быстрее, а потом распусти – энергии будет в разы больше». Он был голосом беспринципного гения Кая.

Кульминация и предательство: Когда клан Кая решил устроить мятеж против старого руководства Гильдии, именно Тиберий разработал план. Но в решающий момент его отец, Оружейник, перевернулся на сторону противников, испугавшись радикализма. Каю пришлось сделать выбор: казнить всю семью Тиберия как предателей или показать слабость. Он приказал казнить. Тиберия, стоящего на коленях, он не смотрел в глаза. Он смотрел на его руки – те самые, что собирали для него первые игрушки. С тех пор у Кая не было друзей. Были инструменты. Тиберий научил его, что даже самая близкая связь – лишь ресурс, который можно исчерпать.

Тера – «Отражение совести».

Кто: Младшая сестра одного из вассалов Кая. Не Алхимик и не Прядельник. Просто художница, умевшая видеть красоту в потрескавшейся краске и сломанных вещах.

Как появилась: Кай увидел её, когда она рисовала в саду Цитадели. Она изображала не пышные цветы, а гниющий плод, и делала это с такой любовью к деталям, что он застыл в изумлении. Она не знала, кто он (приняла за стражника), и говорила с ним как с равным. Она показала ему мир, где ценность – не в полезности, а в уникальности момента.

Роль: Тера была его тайным побегом. С ней он мог не быть принцем. Он слушал её рассуждения о том, что трещина на вазе – не изъян, а дополнительная история, которую она вплетает в новый узор. В её лице он впервые задумался: а что, если и Безвременные – не ошибка, а просто «другая история»? Она была его скрытой человечностью, оазисом незамутнённой простоты.

Кульминация и потеря: Их связь раскрылась. Совет клана был категоричен: «У принца не может быть бесполезной возлюбленной. Она – уязвимость». Каю предложили «нейтрализовать» её – стереть память о нём. Он отказался. Но вместо того чтобы бороться, он... отпустил. Он устроил ей брак с художником из далёкой провинции и подарил на прощание истощённую реликвию – древний кувшин, распутанный много веков назад. «В нём больше нет времени, – сказал он. – Но форма... форма совершенна. Как твои картины. Он ничего не весит». Она уехала, унося с собой последний кусочек его мягкости. Тера научила его, что любовь можно не предать, а просто... упаковать и отложить в сторону, как слишком дорогой, но непрактичный подарок.

Сэмвелл («Сэм») – «Цена прогресса».

Кто: Молодой рабочий с фабрики по первичной обработке артефактов. Здоровенный, простодушный парень с золотыми руками. Мечтал скопить денег и выкупить из долговой ямы свою семью.

Как появился: Кай инкогнито изучал работу цехов. Сэм, приняв его за нового клерка, взял под опеку, показал все тонкости, прикрыл от гневного мастера. Кай был очарован его непритворной добротой и верой в лучшее. Сэм верил, что технологии Алхимиков однажды сделают жизнь простых людей легче.

Роль: Сэм стал для Кая олицетворением того народа, ради которого он, как ему казалось, правит. Он тайно помогал ему деньгами, слушал его простые истории. Это была его игра в добро короля, самоуспокоительная иллюзия.

Кульминация и жертва: На фабрике случилась авария – экспериментальная установка по массовому распутыванию начала выходить из-под контроля. Кай, уже как принц, отдал приказ: «Закрыть цех и стабилизировать реакцию, не входя внутрь. Жертвами пренебречь». Установку стабилизировали, пожар потушили. Среди двадцати погибших рабочих был Сэм. Кай нашел его обгоревшую табакерку – ту самую, которую он ему подарил. Сэм научил его самому страшному уроку: даже тех, кого ты искренне любишь, можно принести в жертву «общему благу». И после этого – продолжать действовать.

Итог по Каю: Его друзья – это этапы потери человечности. Тиберий – потеря доверия, Тера – потеря мягкости, Сэм – потеря иллюзий. К моменту встречи с Алией он уже прошёл эту школу и стал тем, кем стал: блестящим, харизматичным, готовым на всё лидером, в душе которого живут лишь призраки тех, кого он сжёг на алтаре своего восхождения.

Рин: Друзья как случайные искры во тьме

У Рима не могло быть друзей в обычном смысле. Его путь – путь изгоя, балансирующего на краю Пустоты. Его связи – мимолётны, болезненны и почти всегда трагичны.

Элиас – «Учитель с пустыми глазами»

Кто: Старый, почти полностью Безвременной охотник. Он сохранил лишь обрывки личности: навыки выживания, смутную цель (очищать мир от себе подобных) и призрачную печаль.

Как появился: Рин, подростком сбежавший от Прядильщиков после роковой ошибки с сестрой, почти умер в пустоши. Элиас нашёл его, выходил. Не из жалости, а потому что увидел

в нём инструмент. «Ты ещё чувствуешь боль, – сказал Элиас своим скрипучим голосом. – Значит, можешь думать. Мне нужен думающий инструмент».

Роль: Элиас был его наставником в искусстве быть монстром. Он научил Рима чувствовать приближение Безвременных по «холодным пятнам» в потоке времени, показал, как их слабая, жаждущая сущность притягивается к сильным воспоминаниям. Он научил его убивать их – не магией, а особым кинжалом из истощённого металла, который, как губка, впитывал их последние остатки времени, не давая им рассеяться и привлечь других. От Элиаса Рин перенял его девиз-проклятие: «Мы – могильщики для тех, у кого нет могил».

Конец: Однажды Элиас не вернулся с охоты. Рин нашёл его в логове особенно сильного Голодного. Учитель был почти пуст. Последнее, что он прошептал, глядя на Рима пустыми глазами: «Не... становись... зеркалом...». Элиас показал ему путь и его ужасный финал: стать тем, кого ты уничтожаешь.

Лира (сестра) – «Призрак, который двигает всем»

Кто: Его младшая сестра. Не друг, а вселенная. Яркая, любопытная, с даром к «слышанию» времени в живых существах (растениях, животных). Она могла успокоить раненого зверя, просто спев.

Как появилась: Они всегда были вместе. Рин, как старший брат, был её защитником и самым преданным слушателем. Она была его связью с жизнью, с тем миром, который он, как будущий Прядильщик, должен был охранять.

Роль: Лира была его совестью и мотивацией. Когда она тяжело заболела (редкая болезнь, пожирающая личное время), Рин, отчаявшись, совершил роковую ошибку. Он попытался использовать запретную технику Прядильщиков – «переплести» её время с временем древнего, здорового дуба. Но он дрогнул, и связь порвалась. Дуб обратился в прах, выбросив чудовищный заряд энергии, а время Леры... было разорвано и частично унесено в Пустоту. Она не умерла. Она стала чем-то странным – не Безвременной, а «Рассеянной», живущей в сотне мимолётных «сейчас», не помнящей себя. Её отправили в специальное место Прядильщиков. Рин сбежал, сжигаемый виной. Лира – это его неизлечимая рана, причина, по которой он наказывает себя, сражаясь с Пустотой.

«Стойкий» – «Отражение несостоявшейся жизни».

Кто: Молодой Прядильщик-идеалист по имени Элван, которого Рин встретил на задании. Тот верил, что даже Безвременных можно «вытянуть» обратно, вплетая в них обрывки потерянных воспоминаний.

Как появился: Их столкнула судьба во время охоты на одного и того же Голодного. Элван пытался его «успокоить» и чуть не погиб. Рин убил тварь у него на глазах.

Роль: Элван стал для Рима раздражающим, болезненным напоминанием о том, кем он сам мог бы быть. Он видел в нём свою собственную потерянную веру, свою сестру, которая тоже хотела спасать, а не убивать. Они вынужденно сотрудничали несколько раз. Элван называл его «братом во тьме» и пытался достучаться. Рин грубо отталкивал его, но тайно следил, чтобы с тем ничего не случилось. Стойкий был его живой совестью, от которой он бежал, но не мог убежать.

Конец: Элван погиб, пытаясь спасти ребёнка, на которого напали Безвременные. Он использовал себя как приманку, вплетая в своё тело все свои самые яркие воспоминания. Рин пришёл слишком поздно. Умирая, Элван улыбнулся ему: «Видишь... можно... не бояться... отдать... всё...». Стойкий показал ему, что жертва может быть не бегством, а осознанным выбором. И этим окончательно приговорил Рима к мысли о его собственном искуплении.

Безгласный Ребёнок – «Тихий ученик»

Кто: Маленький Безвременной, найденный Ринном в руинах. В отличие от других, он не был агрессивен. Просто следовал за Ринном, как щенок.

Как появился: Ринн, к своему ужасу, не смог его убить. Ребёнок напоминал ему сестру в худшие моменты её болезни – тот же пустой, но не злой взгляд.

Роль: Ребёнок стал его неммым спутником. Ринн кормил его (безвременные могут «есть» рассеянное, фоновое время), даже пытался научить простым знакам. Это была его попытка заботиться, а не уничтожать. Попытка доказать себе, что он не окончательно превратился в Элиаса.

Конец: На пару напала группа Голодных. Ребёнок, защищая Рима, бросился на них и был разорван. В последний миг он посмотрел на Рима, и в его пустых глазах мелькнуло что-то, похожее на узнавание. Ребёнок научил его, что даже в пустоте может оставаться эхо связи. И что иногда эта связь стоит жизни.

Итог по Рину: Его «друзья» – это тени, раны и немые свидетели. Элиас – тень будущего, Лира – незаживающая рана прошлого, Стойкий – отражение потерянного пути, Ребёнок – хрупкий мостик к состраданию. Все они умерли или потеряны. К моменту встречи с Алией и Каем Рин – это ходячая коллекция потерь, ищущая лишь достойного конца, чтобы его страдания обрели, наконец, смысл. Его готовность к жертве – не поза, а единственная знакомая ему форма любви.

Глава 5.

В мире «Хроники Сломанных Часов» семья – это не просто кровные узы. Это живой архив, стратегический альянс и хрупкая крепость против забвения. Отношения внутри семей определяются их отношением ко времени и формируют личности главных героев.

Фундаментальные принципы семейной жизни

Наследие как физическая субстанция.

Семейные реликвии – не просто символы. Это контейнеры родовой памяти. Распутать фамильную драгоценность – значит уничтожить часть истории рода, совершить хроно-инцест.

Генеалогия как магия.

Знание своих предков до седьмого колена – не просто дань уважения. Это защитный ритуал. Произнесение полного имени (включающего имена предков) создаёт временной резонанс, дарующий силу или защиту.

Брак как слияние хроник.

Брак – это в первую очередь объединение двух архивов времени. Любовь важна, но вторична. Брачный контракт регулирует права на общие временные ресурсы и будущих детей.

Типология семей.

Семьи Прядильщиков: «Древо с глубокими корнями».

Девиз: «Память – ответственность, а не собственность»

Структура:

Расширенная семья. Под одной крышей живут 3-4 поколения.

Глава семьи – не самый сильный, а старейший носитель неповреждённой памяти.

Стратификация по типу дара:

Хранители Устных Хроник (старейшины) – живые носители истории.

Архивариусы – работают с физическими артефактами.

Целители Памяти – лечат временные травмы.

Собиратели – добывают «чистое» время из умирающего.

Ритуалы:

«Нить продолжения»: При рождении ребёнку дарят пустой кристалл. В него вплетают по капле время каждого члена семьи, создавая персональный хроно-оберег.

«Вечер тихого рассказа»: Раз в неделю семья передаёт один артефакт по кругу. Каждый добавляет к его истории своё воспоминание, связанное с ним, укрепляя его временную нить.

«Возвращение имен»: В день поминовения называют имена всех предков, вплетая их в общую мемориальную песнь, которая становится магическим щитом дома.

Конфликты:

Между консерваторами (хранить всё) и прагматиками (можно аккуратно использовать часть).

Трагедия «Немого» – ребёнка без дара. Его не изгоняют, но он вечно на вторых ролях, живое напоминание о хрупкости крови.

Гипер-эмпаты (как Алия) – их берегут как сокровище, но и боятся, ибо их дар может разрушить семейные тайны.

Семья Алхимиков Пустоты: «Динамит в бриллиантовой оправе»

Девиз: «Прошлое – топливо, будущее – дивиденды»

Структура: Напоминает корпорацию или криминальный клан.

Патриарх/матриарх – самый сильный и безжалостный.

Жёсткая иерархия по полезности: Дети – «активы» или «инвестиции».

Совет старейшин – фактически совет директоров, принимающий решения о «списании» неудачных членов семьи.

Ритуалы:

«Инициация распутывания»: Подросток должен публично распутать фамильную реликвию средней ценности, показав хладнокровие. Успех – доступ к ресурсам. Провал – понижение в статусе.

«Стратегический брак»: На церемонии молодожёнам дарят не кольца, а контракты с перечнем артефактов, которые переходят в общую собственность.

«Аудит памяти»: Раз в год глава семьи проверяет временные запасы каждого члена. Те, кто не приумножил капитал, наказываются.

Конфликты:

Братоубийственные войны за наследство – обычное дело.

«Мягкотелые» – дети с совестью. Их либо ломают, заставляя распутать что-то дорогое им, либо объявляют браком и отрезают от ресурсов.

Трагедия «выжженного фонда» – когда семья в амбициях распутывает ВСЁ и остаётся у разбитого корыта, без прошлого и будущего.

Семьи на грани: «Трещина в зеркале».

Семьи, где есть Безвременной (или рискующий им стать).

· Динамика:

Стадии горя:

Отрицание: «Он просто болен, мы его вылечим!» – тратят состояния на целителей.

Гнев: «Как он мог так поступить с нами?!» – обвиняют самого больного.

Торг: «Может, если мы отдадим фамильный перстень...» – пытаются «заплатить» за излечение.

Депрессия: Тихие вечера, когда все смотрят на пустой стул.

Принятие: Решение: держать дома (как мебель, о которой все молчат) или отвести в Приют Безмолвия (специальные пансионаты).

Стыд и изоляция: Такую семью сторонятся, как прокажённых. Брак с её членами становится невозможным.

Смешанные семьи: «Война миров под одной крышей».

Прядильщик + Алхимик:

Постоянные конфликты о судьбе каждой вещи в доме.

Дети – поле битвы. Их разрывают между «долгом памяти» и «волей к силе».

Часто заканчивается бегством одного из супругов с детьми и судебной хроно-войной за право на семейные артефакты.

Человек и Сильфид / Гном:

Культурный шок. Сильфиды не понимают «привязанности к вещам», гномы – «расточительного использования времени».

Дети-полукровки часто обладают уникальными дарами, но страдают от неприятия обоих обществ.

Конкретные примеры из мира:

Семья Кая: «Дом Орла и Пламени».

Статус: Правящий клан Алхимиков.

Структура: Жесткая пирамида. Отец Кая – Идрис – железный патриарх. Мать – Танаис – бывшая Прядильщица, перешедшая на сторону мужа, что считается предательством высшего порядка.

Внутренние правила:

Чувства – слабость.

Каждый поступок должен укреплять клан.

Неудачников стирают из семейной хроники (буквально вымарывают имена из портретов и мемуаров).

· Трагедия: Младший брат Кая, Люциан, проявил дар Прядильщика. Его не убили, но изолировали в башне, а официально объявили умершим от болезни. Каю в 12 лет приказали лично отнести ему еду, чтобы «закалить характер». Это стало его первой травмой предательства.

Семья Рима: «Угасший Очаг»

Статус: Была скромной семьёй Прядильщиков-целителей.

До трагедии: Идеалисты. Отец – Элиан, лечил детей. Мать – Сильвана, собирала «время радости» для создания оберегов. Сестра Лира – солнечный ребёнок.

После роковой ошибки Рима:

Родители не прокляли его, но не смогли смотреть ему в глаза. Их молчаливая скорбь была хуже ненависти.

Они ушли в монастырь Молчаливых Прядильщиков, посвятив жизнь молитвам о дочери.

Семья распалась без громкого скандала, рассыпалась как песок. Это стало для Рима уроком: самые прочные узы могут быть разорваны тишиной.

Семья Али: «Тайный Узел»

Фактически два параллельных дома:

Официальный: Алиа – «сирота», воспитанница Патриарха. Её «приёмная семья» – это слуги, учителя, строгий распорядок. Подмена любви дисциплиной.

Тайный: Мать (Лираэль) в изоляции, отец (Аргон) – холодный покровитель. Их редкие встречи – это ритуал передачи боли и надежды. Мать дарит чёрный камень (символ пустоты), отец – часовой механизм (символ контроля). Алиа живёт в разрыве между этими дарами.

Специфические социальные институты.

Дома сирот Прядильщиков: «Приюты Непрерванной Нити».

Детей, потерявших родителей, не усыновляют чужие. Их воспитывает коллективная память общины. Каждому ребёнку назначают «духовного летописца» – старика, который рассказывает ему о его родителях, буквально вплетая их образ в память ребёнка.

Семейные суды Алхимиков:

Разбирают споры о праве на распутывание. Могут вынести вердикт: «Разделение архива» – физический раздел реликвий, что равносильно проклятию, ибо рвёт единую нить.

Церковь Милосердного Забвения:

Служит семьям с Безвременными. Проводит ритуал «Последнего воспоминания» – семья собирается, и каждый делится одним ярким воспоминанием о больном, после чего священник ритуально распутывает артефакт, связанный с ним, «отпуская» его в вечность. Это считается милосердным завершением.

Психология и травмы.

Синдром «пустого гнезда»: У Прядильщиков, когда дети уезжают, забирая свои личные хроно-кристаллы, дом буквально температурно холодеет. Родители могут впасть в депрессию, похожую на болезнь.

Комплекс «живой реликвии»: У детей Алхимиков, которых ценят только за силу дара. Часто приводят к бунту или саботажу.

Травма «разорванной нити»: Когда семья распадается из-за магической катастрофы (как у Рима). Чувство вины невыносимо, ибо ты не просто разрушил отношения – ты уничтожил кусок совместного прошлого.

В этом мире любить – значит помнить. Ненавидеть – значит стремиться стереть. А семья – это хрупкий часовой механизм, где каждый человек – шестерёнка, чья поломка может остановить время для всех.

Часть 2.

Глава 1.

Алия: Гипер-эмпат времени.

Суть дара:

Алия – не просто Прядильщик. Она Хроно-эмпат редчайшего уровня. Её дар – не распутывать время, а переживать его как своё собственное воспоминание, извлекая чистую эмоциональную эссенцию. Она не использует время – она становится его каналом.

Проявление:

«Прочтение» артефакта: При касании она за секунды проживает ключевые моменты его истории, испытывая эмоции тех, кто с ним взаимодействовал. Она не просто видит, что меч участвовал в битве – она чувствует ярость воина, его страх, его боль от раны.

Извлечение «Квинтэссенции»: Может выделить из предмета одну чистую, нераспутанную эмоцию (например, «безоговорочную храбрость» из знамени воина) и временно передать её другому человеку, усилив соответствующее качество.

Обнаружение подделок: Чувствует «швы» и «пустоты» во временной нити поддельных реликвий.

Глубинное исцеление: Может найти в памяти пациента травмирующее событие и, пережив его вместе с ним, аккуратно переплести разорванные нити восприятия, смягчая травму.

Обучение: Два наставника, два проклятия.

Мать (Лираэль): Уроки сердца (возраст 3-6 лет).

Метод: Игры. «Угадай, какое чувство в этой коробочке?» (распознавание чистых эмоций). «Расскажи историю этого камня» (развитие образного мышления).

Фокус: «Дар – это служение, а не власть. Ты должна чувствовать боль предмета, прежде чем взять у него хоть крупицу».

Травма: Лираэль, сама будучи эмпатом, не смогла защитить дочь от перегрузки. Однажды Алия прикоснулась к артефакту с сильной болью и впала в истерику на три дня. Это заложило страх перед собственной силой.

Отец (Аргон): Уроки разума (возраст 6-18 лет).

Метод: Жёсткая дисциплина. Ей давали самые сложные, эмоционально заряженные артефакты и требовали не поддаваться чувствам, а лишь холодно анализировать паттерны: «Где пик эмоции? Где её спад? Какова её временная длина?».

Фокус: «Твоя эмпатия – слабость. Преврати её в инструмент. Контролируй, не сочувствуй».

Травма: Аргон заставлял её работать с артефактами, связанными с предательством и насилием, чтобы «закалить». Это привело к эмоциональному онемению в обычной жизни и ночным кошмарам.

Итог обучения: Алия научилась включать и выключать свой дар, как кран. Но цена – внутренний раскол. Она постоянно балансирует между потребностью чувствовать (чтобы оставаться человеком) и необходимостью не чувствовать (чтобы не сойти с ума и быть эффективной).

Ограничения и цена:

Эмоциональное выгорание: После глубокого «погружения» она может сутками чувствовать пустоту и апатию.

Риск потери себя: При работе с очень сильной личностью прошлого есть опасность «слиться» с ней, временно перенеяв её черты.

Физическая уязвимость: В процессе чтения она отключена от реального мира. Её легко убить в этот момент.

Кай: Virtuoz распутывания.

Суть дара:

Кай – гений прикладной хрономантии. Его дар – не в силе чувствовать время, а в беспрецедентной точности, эффективности и творчестве в его использовании. Он подходит ко времени как инженер к механизму.

Проявление:

«Хирургическое распутывание»: Может извлечь из артефакта строго определённый временной отрезок или эмоцию, минимизируя потери. Если обычный Алхимик при добыче «храбрости» испортит 80% артефакта, Кай испортит лишь 20%.

«Создание составных эликсиров времени»: Умеет сплести несколько разнородных временных нитей (например, «стойкость камня» + «упорство муравья» + «выносливость караванщика») в один сложный, многофункциональный эффект.

«Обратное проектирование»: Видя эффект (например, взрыв), может мысленно восстановить, какое время и из какого источника для этого потребовалось.

«Временные силки»: Может подготовить артефакт так, чтобы он распутался не сразу, а по триггеру (прикосновению, звуку, определённому времени), создавая сложные ловушки или дистанционные эффекты.

Обучение: Школа Превосходства и Жестокости.

Ранние годы (до 10 лет): Фундамент.

Метод: Интенсивная теория. Изучение хроно-таблиц, свойств разных эпох, законов временной деградации. Его не учили «чувствовать» – его учили рассчитывать.

Жестокий экзамен: В 10 лет ему дали любимую игрушку – механического ястреба, собранного его первым учителем. Задание – распутать её, добыв максимальную энергию. Он сделал это безупречно. Учитель похвалил эффективность. Игрушка превратилась в горстку пыли. Первый урок: сентиментальность – враг эффективности.

Подростковый возраст (10-16 лет): Практикум на живых.

Метод: Его отправляли на «поля» – места, где добывали время в промышленных масштабах. Он учился на «живых» объектах: как быстро оценить потенциал дерева, здания, старого кладбища. Его наставники поощряли эксперименты: «А что будет, если распустить не всё дерево, а только его сердцевину?».

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.